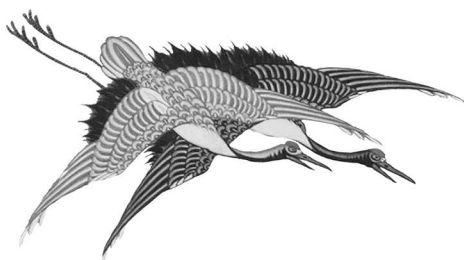

Чухе Кум

**ЗВЕРИ
МАЛОЙ
ЗЕМЛИ**

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К40

Juhea Kim

BEASTS OF A LITTLE LAND

Jacket design by Allison Saltzman

Landscape art courtesy of the National Palace Museum of Korea

Copyright © 2023 HarperCollins Publishers All rights reserved.

Published by arrangement with Ecco, an imprint of HarperCollins Publishers

Перевод с английского *Кирилла Батыгина*

Консультант-кореевед: *Мария Осетрова*

Консультант-японист: *Анна Семида*

Ким, Чухе.

К40 Звери малой земли / Чухе Ким : перевод с английского
К. Батыгина. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с.

ISBN 978-5-04-162285-5

1917 год. Корея — японская колония. Крестьянская семья в отчаянном положении продает в школу куртизанок десятилетнюю дочь по имени Яшма. Ее близким другом становится мальчик-сирота Чонхо, попрошайка с улиц Сеула.

Повзрослев, Чонхо оказывается вовлечен в революционную борьбу за независимость страны, а Яшма станет востребованной артисткой.

Куда только не заносит судьба персонажей Чухе Ким: от фешенебельных кафе Сеула до заснеженных лесов Маньчжурии, а где-то между страниц затаился тигр.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Батыгин К., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-162285-5

Переводчик: Кирилл Батыгин
Консультант-кореевед: Мария Осетрова
Консультант-японист: Анна Семида

Посвящается моим матери и отцу

어머니와 아버지께 드립니다

Пролог

ОХОТНИК

1917 год

НЕБО БЫЛО БЕЛЫМ, А ЗЕМЛЯ — ЧЕРНОЙ, КАК В САМОМ НАЧАЛЕ МИРОЗДАНИЯ, перед первым восходом солнца. Облака оставили высь и опустились так низко, что, казалось, притрагивались к земной тверди. В тумане смутно маячили силуэты огромных сосен. Все замерло и смолкло.

Появился одинокий путник — песчинка на фоне таинственного ландшафта. Охотник. Присев у свежего отпечатка лапы, все еще мягкого и словно хранившего толику тепла, он принялся в поисках направления, куда проследовала его жертва. Легкие мужчины заполонил пронизывающий запах снега. Зверолов улыбнулся. Мягкий снегопад должен был упростить выслеживание зверя. Судя по размерам следов, крупный леопард, предположил охотник.

Он выпрямился, беззвучно, как тень среди деревьев. Животные тихо передвигались по лесной чаще — их полноправной территории. Однако горы принадлежали

и ему. Точнее, он, как и животные, принадлежал этим горам. Нельзя было сказать, что эти скалы были чрезмерно щедры к нему или приносили какое-то умиротворение. В местных лесах ни человек, ни зверь не могли ощущать себя в полной безопасности. Но как леопард знает, каково быть леопардом, так и он в полной мере осознавал, что означало его бытие среди этих холмов: как ему нужно дышать, идти, думать и убивать добычу.

Землю под ногами преимущественно покрывали бурокрасные иглы сосен. Следов на пути попадалось все меньше. Вместо них охотник выискивал царапины на стволах или места, где заросли были едва заметно потревожены, свидетельством чему становились, например, зацепившиеся за сломанную ветку тонкие шерстинки. Человек смог сократить дистанцию, отделяющую его от добычи, но свою жертву он не видел уже больше двух дней. Провизия — шарики из жестковатого ячменя, приправленные только солью, — у него уже давно закончилась. Прошлую ночь он провел в развороченном стволе смолистой сосны, вглядываясь в яркий серп месяца и всеми силами пытаясь не заснуть. Впрочем, благодаря голоду и усталости походка становилась легче, а думы — яснее. Охотник пришел к мысли, что если его что-то и могло остановить, то только смерть.

Пока что на пути охотнику не получилось ничем поживиться. Кролики, олени и прочая мелкая живность попрятались на зиму, так что в последние месяцы леопардам приходилось не менее туго, чем людям. Рано или поздно погоня должна была подойти к концу, и тогда мужчина был готов прикончить зверя. И преследователь, и преследуемый остро нуждались в пище и отдыхе, но охотник был полон решимости продержаться дольше своей добычи — столько, сколько потребуется.

Мужчина добрался до поляны, окруженной молодыми соснами, которые кучкой выстроились у скалистой стены. Охотник подступился к обрыву и окинул взглядом окружающий его зимний горный пейзаж, в котором сочетались оттенки угольно-черного и пепельно-зеленого. Пелена облаков, подгоняемая ветром, застревала на холмистых столпах, развеваясь, подобно обрывкам шелка. Прямо под его ногами зиял провал в дикую белую пропасть. Охотник порадовался, что смог добраться до этого места. Леопарды любили обживать на высоких скалах. Весьма вероятно, что именно здесь ему и предстояло обнаружить логово зверя.

Что-то нежное и холодное мягко дотронулось до его лица. Охотник обратил взор к небу и увидел первые хлопья снега. Теперь можно было ожидать больше следов на пути. Надо было как можно скорее обнаружить добычу и покинуть горы, пока снег еще не выпал плотным слоем. Мужчина покрепче ухватился за лук.

Если природное чутье его не обманывало, то логово леопарда должно было находиться прямо под ним, на краю обрыва. Тягостному противостоянию предстояло скоро завершиться. Но теперь надо было задержаться на этой точке вплоть до того, как зверь выйдет наружу. А сколько это заняло бы — час или целых три дня, — предугадать было невозможно. Человек к тому моменту вполне мог бы скрыться с головой под снежным покровом. И тогда его тело обратится в снег, камни и ветер, леопард насытится его нутром, а неокрепшие сосны впитают его кровь. Не станет его. Будто бы он никогда и не жил среди других людей у подножия этих гор.

В той, другой, жизни он служил в армии Корейской империи¹ и числился одним из лучших стрелков страны.

Некому было тягаться с ним по умению стрелять как из винтовки, так и из лука. Вдохновившись всевозможными поговорками по поводу характерных черт жителей различных провинций Кореи, люди прозвали его тигром из Пхеньяна. Ведь эти свирепые звери обитали на каждой горной вершине и у каждой опушки леса того малого края, который даже древние китайцы именовали «страной тигров». Но охотнику это прозвище было больше к лицу, чем крестьянам из южных окраин державы. Мужчина вырос среди прирожденных охотников, которые привыкли выживать на земле, слишком обрывистой и суровой для возделывания.

Отец следопыта в свое время также нес воинскую службу в Пхеньяне. Каждый раз, когда военнослужащим недоплачивали причитающееся жалованье, родители уединялся в горах. Чаще всего он возвращался домой с тушами оленей, зайцев, лисиц, фазанов и прочей мелкой дичи, но иногда ему удавалось повалить и кабанов, черных медведей, леопардов и волков.

Когда охотник был еще ребенком, его отец смог в одиночку убить тигра. Зверя стащить с горы удалось только при содействии шести сильнейших мужчин из деревни. По возвращении односельчане окружили их плотным кольцом. Дети бежали впереди ликующей толпы. Стоимость шкуры тигра значительно превышала солдатское жалованье за целый год. Грузную тушу уложили под сень дерева гинкго на деревенской площади. Женщины каким-то образом сотворили целый пир из ничего — то был их особый талант. И все напились допьяна рисовой брагой цвета молока.

Но той ночью отец, сидевший со скрещенными ногами на каменном полу, который все еще хранил тепло лучей солнца, заметно помрачнел.

— Не убивай тигра, если только у тебя нет другого выбора, — сурово молвил отец.

— Но, отец, мы же теперь разбогатели. Сможем купить много риса, — заметил сын. Обрубок свечи скромно мерцал между ними. Свет едва пробивался сквозь мрак, который обволакивал их, подобно плотному зимнему одеялу. Мать и сестры возились с шитьем или уже спали в другой комнате. Единственными звуками, сопровождавшими их беседу, были приглушенные переклички между совами, отправившимися на охоту.

Отец смерил сына взглядом и заявил:

— Ты с ранних лет подстреливаешь зайцев и фазанов.

— Да, отец.

— Можешь попасть в фазана со ста метров.

— Да, отец, — гордо признал он. Во всей деревне не было лучника, способнее его. Ну, кроме отца.

— Ты сможешь попасть в дерево с тех же ста метров, а потом вдогонку прищпилить первую стрелу еще одной?

— Да, отец.

— Так скажи мне: под силу тебе убить тигра? — спросил отец. Сын было собирался сказать «Да»: он в самом деле думал, что уже дорос до этого. Однако тон отца подсказывал, что на этот вопрос был только один верный ответ: молчание.

— Покажи-ка мне свой лук, — попросил отец. Сын поднялся, принес лук и положил его на пол между ними.

— Не имеет значения, насколько ты хорош как лучник. Таким орудием тигра не убьешь, — заявил отец. — На больших расстояниях лук бессилен. К тому же тигр не фазан. Таким луком ты в лучшем случае ранишь тигра метров с двадцати или чуть меньше. Смертельно ранить его ты сможешь только метров с пятнадцати. А знаешь

ли ты, как быстро тигр может преодолеть эти пятнадцать метров?

Сын безмолвно признал неведение.

— В тигре почти три метра от кончика носа до кисточки на хвосте. Ему под силу, при желании, в один прыжок перемахнуть через дерево посреди нашей деревни. Для тигра перепрыгнуть через нашу хибарку — что для тебя или меня перескочить через лужицу на дороге. Выстрелишь в тигра слишком рано — только слегка ранишь и разъяришь его. Выстрелишь поздно или промахнешься — тигр тебя достанет в мгновение ока. Пятнадцать метров до тебя тигр пролетит в считаную секунду.

— Но, отец, ты же сегодня убил тигра, — удивленно отметил сын.

— Говорю тебе: убивай тигра только в том случае, когда у тебя другого выхода нет. Да и то только тогда, когда тигр попытается прикончить тебя первым. Во всех остальных случаях сторонись тигров. Ты меня понял?

Воспоминания нисходили на охотника столь же мягко, как снежинки с небес. Он спрятался за камнем, из-за которого открывался вид на выступ. Снег, задувавший в глаза и ноздри и намерзавший коркой на голых руках, не давал сконцентрироваться. Снегопад оказался более обильным, чем ему показалось на первый взгляд. С такой высоты открывался отличный вид на облака, гонимые ветром с востока. Было очевидно, что снег будет валить еще долго. В голову сразу пришла мысль, что ему следовало спускаться с горы в тот самый момент, когда он ощутил запах снега, склоняясь перед мокрым отпечатком лапы.

Но просто наблюдать за тем, как его дети, тихие, как мышки, неподвижно сидят посреди их домика, он уже не мог. У ребятишек не осталось сил даже болтать друг с другом. Он пообещал им вернуться с чем-то съедобным. Если бы ему удалось подстрелить оленя или кролика, то он бы уже давно был дома и наблюдал за тем, как личики детишек загораются искорками радости, как фонарики. Но вместо этой удачи судьба подсунула ему след леопарда и соблазн одной шкуркой окупить полугодовой урожаем.

«Не выпало ли мне умереть именно сегодня?» — застучал в висках вопрос. На охотника вдруг навалилась невероятная усталость. Тело оставило все напряжение, которое помогало сохранять вертикальное положение. Снежный сугроб ему вдруг напомнил пиалу обжигающе горячего белого риса, который он ел не более пяти раз за всю жизнь. Эта мысль не вызвала гнева, наоборот — он расхохотался. Смех ветром пронесся по его худому телу. Следопыту хотелось еще немного помечтать о том, что он хотел бы успеть съесть перед смертью: тушеные ребрышки в соевом соусе с шинкованным зеленым лучком, а вдобавок — бульон из бычьего хвоста, такой ароматный, пряный и наваристый, что превратившийся в желе костный мозг пристает к нёбу. Как-то раз он отведал эти блюда во время праздничного застолья. Впрочем, миражи были не столь сильны и соблазнительны, как другие воспоминания, которые захлестнули его.

Перед глазами промелькнул день, когда он впервые увидел Суни, идущую в долину под руку с сестрами на поиски побегов папоротника и соцветий полыни. Ей тогда было тринадцать лет, ему — пятнадцать.

А вот Суни, наряженная в зеленый жакет и красную юбку, целиком расшитые по шелку цветами. На